

ОЧИЩЕНИЕ

no way

Очищение

«Автор»

2026

way n.

Очищение / n. way — «Автор», 2026

Город, где будущее оказалось не светлым, а ржавым. Где технологии не взлетели в космос, а вросли в быт, как грибок, сделав жизнь удобнее, а смерть — изощреннее. Здесь, среди облупленных фасадов и вечных дождей, преступность давно перестала быть статистикой. Она стала образом жизни. Единственной религией. Личным делом каждого. Старший оперативник Алекс Робертсон — лучший в своем деле. Двести задержаний, двадцать три года службы, ни одной лишней эмоции. Когда-то он верил в справедливость. Теперь он верит только в свой «Глок» и в то, что система, которую он защищает, прогнила до основания. Он давно перестал быть человеком. Он стал инструментом. Машиной для задержаний. Идеальным оружием против хаоса.

© way n., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Снова на работу	5
Глава 2. Первая перестрелка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Очищение

Глава 1. Снова на работу

2050 год, Соединенные Штаты Америки, город Олдбридж. Будильник взорвался резкой, механической трелью — звуком, который не менялся уже полвека. Алекс Робертсон открыл глаза раньше, чем рука метнулась к прикроватной тумбе, чтобы нажать кнопку «отложить». Он никогда не нажимал кнопку «отложить». Смысл? Пять минут вязкого полусна не сделают кофе горячее, а город — безопаснее. Он сел на кровати, опустив босые ступни на холодный ламинат. Комната тонула в предрассветных сумерках. Узкая полоска света сочилась из-под неплотно закрытых штор — дешевых, тканевых, а не умных. Алекс мог бы позволить себе жилье получше, но зачем? Дом — это место, куда приносишь усталость. Для усталости подходила любая коробка с замком. На часах было 05:32. Старая цифровая модель «Касио», простая и неубиваемая, показывала время без проецирования на кожу и прочей ерунды. Алекс встал, размял шею — слева хрустнуло — и босиком прошлепал на кухню. Квартира была маленькой, холостяцкой: гостиная, совмещенная с кухней, отдельная спальня, санузел. Стерильная чистота. Ни одной лишней вещи. Ни фотографий на стенах, ни книг на полках. Только зарядная станция для телефона, тактический фонарь на столе да ключи от машины на крючке у двери. Кофеварка «Мистер Кофе» — самая дешевая, с кнопкой и стеклянным пузырем — была запрограммирована с вечера. Алекс налил себе полную кружку: черный, без сахара, крепкий как нефть. Первый глоток обжег горло, но он даже не поморщился. Горячее — значит, живое. В его мире это было уже достижением. Он подошел к окну и отодвинул штору. Олдбридж просыпался. Вернее, тот слой города, который называл себя «приличным», начинал шевелиться. Где-то внизу, на уровне улиц, уже урчали двигатели старых «фордов» и «шевроле» — тех, что еще работали на бензине, потому что электрические в кредит могли позволить себе не все. Над крышами плыл туман, смешанный с выбросами заводов на южной окраине. Запаха Алекс не чувствовал — стеклопакеты держали герметично, — но он знал этот запах наизусть. Кислая гарь, сырой асфальт, вездесущая плесень из подвалов, где ютились бездомные. Он пил кофе и думал о том, что 2050 год должен был выглядеть иначе. В детстве, еще в начальной школе, им показывали картинки: серебристые шпили, летающие машины, люди в обтягивающих комбинезонах с нашивками корпораций. Счастье, доступное каждому. Искусственный интеллект, который решает все проблемы. А что в реальности? ИИ есть, да. В телефоне сидит голосовой ассистент, который составляет список покупок и напоминает о встречах. В Управлении стоит система распознавания лиц, которая в теории должна помогать ловить преступников, а на практике зависает каждый раз, когда ты загружаешь файл больше двух мегабайт. В машине есть автопилот, но он тупит на развязках, и любой коп с опытом предпочитает руль сам. Технологии не взлетели в космос. Они просто вросли в быт, как грибок, сделав жизнь чуть удобнее и гораздо тревожнее. Потому что преступники тоже умеют пользоваться поиском в сети. Алекс допил кофе, сполоснул кружку и поставил ее на сушилку. Время натягивать шкуру. Он прошел в спальню, где на плечиках висела форма. Темно-синяя рубашка с длинным рукавом, брюки с усиленными наколенниками, легкий бронежилет третьего класса — способный остановить пистолетную пулю, но бесполезный против винтовочного патрона. Он одевался методично: сначала нательная футболка, потом жилет, потом рубашка. Застегнул пуговицы, проверил, как сидит воротник. На грудь, над левым карманом, приколот значок — серебряный щит с номером «1307». Старший оперативник Алекс Робертсон. Двадцать три года в полиции Олдбриджа. Сорок два года от роду. Больше двухсот задержаний. Шрам над правой бровью. Под глазами — залегшие тени, как у человека, который хронически недосыпает. Хотя спал он как раз нормально. Это была особая усталость — не физическая, а та,

что накапливается где-то в костном мозге, когда ты слишком долго смотришь в бездну. Сейф стоял в кладовке, за дверцей, замаскированной под шкаф. Биометрический замок: приложил большой палец, набрал шестизначный код — и тяжелая дверца отошла в сторону. Внутри, в вырезанном по форме ложе, лежал табельный пистолет — «Глок-19М», слегка модифицированный под полицейские нужды. Надежный, безотказный, с обоймой на пятнадцать патронов. Никакого лазерного наведения — только простая тритиевая мушка, которая светится в темноте. Алекс вытащил пистолет, проверил патронник привычным движением, загнал обойму обратно. Затем извлек кобуру скрытого ношения — поясную, из кайдекса, с регулируемым углом. Пристегнул ее к ремню, уложил оружие. Сверху накинул легкую ветровку, чтобы не светить стволом раньше времени. Он всегда брал пистолет из сейфа сам, не оставлял в машине, не доверял дежурным оружейкам. Оружие — личная ответственность. Как и жизнь, которую оно может отнять. Перед выходом он задержался у зеркала в прихожей. Из глубины стекла на него смотрел высокий, поджарый мужчина с коротко стриженными темными волосами, уже тронутыми сединой на висках. Лицо узкое, черты резкие. Нос с едва заметной горбинкой — след юношеской драки еще до Академии. Глаза серые, спокойные, как вода в старом колодце. Никакой злости, никакого страха, никакого предвкушения. Только расчет. Он оценил свое отражение так же, как оценил бы подозреваемого: безо всяких эмоций. Отражение не вызвало у него ни симпатии, ни отторжения. Инструмент в хорошем состоянии. Можно работать. Машина ждала на подземной парковке. «Форд Таурус» 2045 года, полицейская версия, без опознавательных знаков. Темно-синий, почти черный, с усиленной подвеской и чипованным двигателем — единственная уступка прогрессу, которую Алекс принял без возражений. Расход топлива меньше, динамика лучше, датчики парковки не орут без повода. Салон пахнул старой кожей и оружейной смазкой. Алекс сел за руль, захлопнул дверь и вдохнул этот запах — единственный, который ассоциировался у него с чем-то вроде «домашнего уюта». Двигатель завелся почти беззвучно. Алекс отключил автопилот, едва система предложила «оптимальный маршрут». Он предпочитал вести сам. Руки на руле, глаза на дороге, мозг в режиме анализа. Пока машина выезжала из подземного гаража на пустынные улицы, он начал свой ежедневный ритуал: внутренний монолог о происходящем в мире. Никаких собеседников, никаких записей — просто поток мыслей, выстроенный в логическую цепочку. Это помогало держать голову в порядке. — Итак, что мы имеем на сегодня, — начал он тихо, сворачивая на Первую авеню. — Статистика за прошлый месяц: убийства — плюс восемь процентов к тому же месяцу прошлого года. Изнасилования — плюс двенадцать. Вооруженные ограбления — стабильно, но это только потому, что ограбили уже почти всех, кого можно. В новостях говорят об «экономическом подъеме», о «новых рабочих местах в сфере ИИ-менеджмента». Смешно. Большинство этих рабочих мест — операторы колл-центров для нейросетей. А реальная экономика на дне. Заводы закрылись, и теперь в цехах ютятся подпольные лаборатории по производству фентанила и «новой пыли». Уровень безработицы в южных районах перевалил за сорок процентов. И это только официально. Реально — выше, потому что те, кто перебивается мелкими кражами, не регистрируются на бирже. Он притормозил на светофоре. Рядом пристроился старый пикап с ржавыми бортами, из открытого окна ревел рэп. Водитель — молодой парень с татуировкой на пол-лица — мельком глянул на Алекса и тут же отвел взгляд. Почувствовал, видимо, что за рулем «Тауруса» сидит не простой клерк. Интуиция у уличных работала отменно. Или, может быть, их нейросети уже разослали предупреждение: «коп в штатском». Легкое присутствие ИИ, мать его. Алекс продолжил размышлять: — Высокая преступность. Все говорят об этом, но никто не хочет называть причину. Причина не в плохой полиции и не в коррумпированных политиках — хотя и этого добра хватает. Причина в том, что люди перестали бояться. Нет, не полиции. Они перестали бояться друг друга. Убийство перестало быть чем-то исключительным. Это стало способом решения проблем. Способом заработка. Способом развлечения. В прошлый вторник двое подростков забили бомжа до смерти ради видео в соцсеть. Видео набрало триста

тысяч просмотров за сутки. Триста тысяч. Они смеялись, когда их задерживали. Не потому что психопаты — хотя, наверное, уже психопаты. А потому что для них это норма. Они выросли на контенте, где насилие — фон. Где смерть — это контент. И самое страшное, что мы, копы, привыкли к этому почти так же. Светофор переключился, и Алекс двинулся дальше. Он проезжал через район, который когда-то назывался Фэрвью — «Прекрасный вид». Теперь это был не прекрасный вид, а сплошная череда обшарпанных многоэтажек, граффити на стенах и заколоченных магазинов. На углу стояла группа людей в ожидании автобуса — усталые лица, пустые глаза. Обычные люди, которые пытаются выжить. Но Алекс знал: в подворотне за их спинами может прямо сейчас происходить сделка по продаже краденого или передача наркотиков. А может, и ничего. Может, просто мать ждет сына из школы. Но его разум автоматически просчитывал угрозы. Это профессиональная деформация. Двадцать три года на службе не проходят бесследно. Он свернул на магистраль, ведущую к центру, где располагалось Управление. Поток машин стал плотнее. «Таурус» мягко катил в левом ряду, а мысли Алекса продолжали течь:— Преступность эволюционировала. Это не просто бандиты с пистолетами. Это целая экосистема. На нижнем уровне — уличные шайки, грабежи, разбои. На среднем — организованные группы: наркотики, оружие, рэкет. На верхнем — белые воротнички: финансовые махинации, отмывание денег через криптобиржи, заказные убийства, замаскированные под несчастные случаи. И все они связаны. Уличный дилер платит процент бригадиру, бригадир — региональному боссу, босс отстегивает адвокатам и судьям. Круговая порука. Прогнившая система. И ты в ней — не страж порядка, а всего лишь один из винтиков. Пытаешься выковырять гниль из механизма, но механизм слишком большой, а гнили слишком много. За двадцать три года я посадил две сотни человек. Некоторые из них сгнили в тюрьме. Некоторые вышли и вернулись к делу. Некоторых убили свои же, еще до суда. А на их место пришли новые. Конвейер не останавливается. И ты стоишь на этом конвейере, пытаешься затормозить его голыми руками. Что происходит с тем, кто это делает слишком долго? Он ломается. Или превращается в нечто иное. В робота. В машину для задержаний. Во что-то, что уже не чувствует радости от справедливости, а только усталость и злое удовлетворение, когда очередной ублюдок оказывается за решеткой. Но и это чувство со временем притупляется. Алекс вспомнил себя двадцатилетним. Вернее, попытался вспомнить. Это было трудно — образ расплывался, как старая фотография. Тот парень был другим. Верил, что сможет изменить мир. Что достаточно честно служить, и зло отступит. В чем он ошибался? В аксиоме. Зло не отступает. Оно затачивается под тебя. Оно учится. И ты учишься вместе с ним, только в обратную сторону. Он сжал руль чуть крепче, чем нужно, и тут же расслабил пальцы. Контроль. Всегда контроль. Эмоции — ошибка, за которую платят кровью. Его напарник, Джим Холден, пять лет назад позволил себе разозлиться на допросе. Ударил подозреваемого — тот оказался сыном известного адвоката. Джима уволили с волчьим билетом, а адвокат подал в суд на департамент. Алекс тогда ничего не сказал, но для себя все понял: в этой работе нельзя быть человеком. Человек ошибается, злится, устает, хочет домой к семье. Робот не ошибается. Робот следует протоколу. И Алекс стал роботом. На приборной панели зазвонил телефон — старый айфон в держателе. Алекс нажал кнопку громкой связи.— Робертсон, — произнес он ровно.— Алекс, доброе утро, — голос капитана Рейеса, густой баритон с легкой одышкой. — Слушай, у нас ситуация. В секторе D-4, жилой комплекс «Солнечный». Поступил звонок от соседей: крики, подозрительная активность. Патрульная группа приехала двадцать минут назад и не выходит на связь. Я объявил «красный код». Ты ближайший старший оперативник в том районе. Возьми на себя командование.— Принято, — отозвался Алекс, уже прикидывая в уме маршрут до сектора D-4. — Есть какие-то детали?— Глухо. Ни ответа от патрульных, ни телеметрии с их нагрудных камер — связь оборвалась. Возможно, глушилка. Возможно, что похуже. Будь аккуратен. И еще одно... — капитан замолчал, и в трубке послышался шорох, словно он тер переносицу. — К тебе прикреплена новая стажерка. Байерс. Алиса Байерс. Прибыла переводом из Цен-

трального округа. Отличные показатели, рекомендации с верха. Я направил ее на место «Солнечного». Встретишь ее там. Надеюсь, сработаетесь. Алекс ничего не ответил сразу. Имя резануло слух. Он не сразу понял почему, просто ощутил укол где-то под ребрами. И только спустя секунду память вытащила из своих затхлых архивов старую карточку: Алиса Байерс, девочка из соседнего дома. Белокурые косички, веснушки на щеках, смешливый голос. Они гоняли мяч на пустыре за школой, делили сэндвичи на обед, вместе смотрели старые фильмы ужасов, пока родители не заругают. Ему было четырнадцать, ей тринадцать. А потом его семья переехала в другой район, и связь оборвалась. Двадцать восемь лет назад. Целая жизнь. Он помнил, что был тогда другим. Смеялся чаще. Верил в людей. Алиса, наверное, помнит того мальчика. Интересно, что она скажет, когда увидит его нынешнего? Если она еще помнит, конечно. Может, она и не вспомнит. Может, это просто однофамилица. Но внутренний голос подсказывал — нет. Капитан сказал «Байерс, Алиса Байерс», с такой интонацией, будто предполагал, что это имя что-то значит для Алекса. Значит. — Алекс? Ты тут? — голос Рейеса вырвал его из раздумий. — Да, тут. Принял. Выежаю. Конец связи. Он отключился и сбросил скорость, сворачивая с магистрали на съезд к сектору D-4. Мысли переключились с абстрактной философии на конкретную операцию. Патрульные не выходят на связь. Глушилка. Возможно, засада. Возможно, они уже трупы. В Олдбридже это был не худший вариант. Худшим вариантом было то, что они еще живы и находятся в руках тех, кто не спешит их убивать. Он вытащил из кармана телефон и через полицейское приложение вызвал тактическую карту. Медленно загрузилась схема жилого комплекса «Солнечный» — четырехэтажного дома старой постройки, П-образного, с внутренним двором. Три подъезда. Патрульная машина, судя по данным GPS до обрыва связи, стояла во дворе. Алекс мысленно набросал план: подъехать, оценить обстановку, установить контакт с этой Байерс, которая, видимо, уже там. Затем действовать по ситуации. Сердце билось ровно. Дыхание не сбивалось. Единственным признаком мобилизации была легкая сухость во рту, и он знал, что это не страх, а предвкушение. Охота начиналась. И плевать, что он стал роботом. Роботы не боятся. Роботы выполняют задачу. За окнами проплывал серый, неприветливый пейзаж окраин. Дома с облупившейся краской, мусорные баки, переполненные уже с утра, одинокая фигура в капюшоне, шарахнувшаяся от света фар. Алекс вел машину сквозь эту хмарь, и в голове на периферии сознания, как заевшая пластинка, крутилась строчка из старого стихотворения, которое он не помнил где прочел: «И если я сегодня не вернусь, То ты не плачь...» Он отогнал эти слова, как мошкарку, и вдавил педаль газа. Впереди показался поворот к «Солнечному». Где-то там, в лабиринте обшарпанных стен, его ждала работа. И, возможно, призрак из прошлого. Алекс сбросил скорость, сворачивая с магистрали на разбитый асфальт местного проезда. Навигатор пискнул: «Вы прибыли в пункт назначения». Он проигнорировал сообщение и проехал еще метров пятьдесят, высматривая место для парковки с хорошим обзором. Жилой комплекс «Солнечный» представлял собой четырехэтажное П-образное здание из тех, что массово строили в конце девяностых. Дешевый кирпич, облицованный панелями, которые когда-то были жизнерадостно-желтыми, а теперь облупились до серой основы. Название «Солнечный» смотрелось издевательски — солнце в этот двор заглядывало, наверное, пару часов в день, все остальное время здесь царил полумрак, разбавленный тусклым светом подъездных лампочек. Окна комплекса смотрели на мир пустыми глазницами. Часть стекол была выбита и заменена фанерой. На немногих сохранившихся балконах сушилось белье — серое, неотстирываемое, как и сама жизнь обитателей. У подъездов валялся мусор: картонные коробки, пустые бутылки, остов раскромсанного дивана. В углу двора стояла детская площадка с покосившимися качелями, на которых никто не качался — местные матери давно не выпускали детей гулять. Алекс припарковал «Таурус» в тени старого дуба — единственного дерева, выжившего в этом каменном мешке. Заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, сканируя пространство. Привычка. Никогда не выходи из машины, пока не оценил обстановку. Справа от него, у второго подъезда, стоял патрульный «Форд Экс-

плорер» с логотипом Департамента полиции Олдбриджа. Передние дверцы распахнуты. На крыше мигалка выключена. Внутри никого. Это плохой знак. Патрульные не бросают машину с открытыми дверцами, если только не произошло нечто экстренное. Или если их вытащили оттуда силой. Слева, метрах в двадцати, Алекс заметил еще один автомобиль — старенький «Хёндай Соната» серого цвета, явно не полицейский. У машины стояла женщина. Она была в штатском: темные брюки, легкая куртка поверх белой блузки, на поясе — кобура. Значит, тоже коп. Он перевел взгляд на лицо, и что-то сдвинулось в памяти. Она изменилась, но не настолько, чтобы он не узнал. Те же светлые волосы, теперь коротко стриженные, до плеч, убранные за уши. Тот же овал лица, только черты стали резче, взрослее. Веснушки почти исчезли, но остались едва заметными точками на переносице. И глаза — серо-зеленые, внимательные, с тем же любопытным прищуром, который он помнил с детства. Алиса Байерс стояла, опершись на капот, и смотрела в сторону здания. Потом обернулась на звук подъехавшей машины. Увидела «Таурус», выпрямилась и пошла навстречу. Алекс открыл дверь и вышел наружу. Утренняя сырость тут же облепила лицо. Воздух пах плесенью, мочой и чем-то сладковатым — то ли мусор гнил, то ли доносился запах из подвала. Он захлопнул дверцу и двинулся к Алисе. Движения были спокойными, без суеты. Пистолет под ветровкой привычно давил на ребро. Он отметил, что она тоже положила руку на кобуру, но, узнав его, убрала. — Старший оперативник Робертсон, — произнесла она, когда расстояние между ними сократилось до пары метров. В голосе проскользнула официальная нотка, но в конце фразы она чуть запнулась, словно хотела добавить что-то еще, но передумала. — Байерс, — кивнул он, останавливаясь. — Докладывайте. Формально она была стажеркой, но он знал, что «стажер» в их управлении означало офицера с опытом, проходящего адаптацию к новому подразделению. Судя по выправке, она не первый день на службе. — Прибыла семь минут назад, — начала Алиса, переводя взгляд на здание и обратно. — Связалась с диспетчерской. Патрульная группа — офицеры Мартинес и Ковальски — не отвечают с момента первого доклада о прибытии. Они вошли в третий подъезд. Я попыталась зайти следом, но дверь подъезда заперта изнутри. Магнитный замок. Скорее всего, взломан или заблокирован. Я решила дожидаться старшего. Алекс молча кивнул, оценивая информацию. Не побежала внутрь одна — уже хорошо. Значит, голова на плечах есть. — Соседей опрашивали? — спросил он. — Да, того, кто звонил. Квартира на втором этаже, окна во двор. Женщина, пожилая, говорит, что слышала крики из восьмой квартиры на четвертом этаже. Потом все стихло. Когда приехали патрульные, она видела, как они вошли в подъезд, а через пару минут услышала что-то похожее на выстрел. Или хлопок. Потом тишина. Алекс переварил информацию. Выстрел. Тишина. Мартинес и Ковальски. Ковальски был молодым, горячим, но Мартинес — ветеран, спокойный мужик. Если оба не выходят на связь, значит, дело серьезное. — Ждите здесь, — сказал он. — Но... — Это не просьба, Байерс. Оцените периметр. Если через десять минут я не выйду и не дам отбой, вызывайте подкрепление и оцепление. Алиса поджала губы, но спорить не стала. Только в глазах мелькнуло что-то — то ли обида, то ли разочарование. Он уже повернулся к подъезду, когда она тихо сказала ему в спину: — Алекс... Это ведь ты, да? Он замер на секунду. Обернулся. — Я. — Ты не изменился, — произнесла она, но интонация была странной: не комплимент, не констатация факта, а что-то среднее между сожалением и болью. Алекс посмотрел на нее. Взгляд серых глаз был по-прежнему спокоен. — Изменился, Алиса. Сильно. Она хотела сказать что-то еще, но он уже отвернулся и быстрым шагом направился к третьему подъезду. Рука скользнула под ветровку, расстегивая фиксатор кобуры. Он не думал сейчас о прошлом, не думал о девочке с веснушками. Он думал о выстреле, о двух пропавших офицерах и о том, что дверь заперта изнутри. Это была ловушка. Или баррикада. Дверь подъезда действительно была заперта. Сквозь грязное стекло он видел темный холл, обшарпанные почтовые ящики, обрывки рекламных листовок на полу. Магнитный замок гудел слабо, но индикатор показывал красный. Либо сломан, либо кто-то очень не хотел, чтобы внутрь заходили посторонние. Алекс отошел на шаг и посмотрел

наверх. Окна подъезда на лестничной клетке были темными. На четвертом этаже одно окно, кажется, было приоткрыто. Он прикинул маршрут: можно попробовать через пожарную лестницу, но это шумно и медленно. Можно выбить дверь, но это предупредит тех, кто внутри. Третий вариант — найти другой вход, но на это нет времени. Он принял решение. Быстро вернулся к машине, достал из багажника монтировку — старую, тяжелую, с резиновой рукояткой. Алиса подошла ближе. — Алекс, подкрепление... — У нас нет времени, — оборвал он. — Если Мартинес и Ковальски живы, каждая минута на счету. Если мертвы — мы должны взять тех, кто это сделал, пока они не ушли через черный ход. Он подошел к двери подъезда, вставил монтировку в щель рядом с замком и резко надавил. Металл заскрежетал. Замок держался крепко. Он надавил еще раз, используя вес всего тела, и с глухим треском крепления поддались. Дверь распахнулась. Из подъезда пахло холодом и запахом старой побелки. Ни звука. Только где-то наверху едва слышно гудел вентилятор или, может, это кровь шумела в ушах. Он вытащил пистолет, снял с предохранителя и вошел внутрь. Алиса, вопреки приказу, двинулась за ним, тоже достав оружие. Он услышал ее шаги за спиной, но комментировать не стал. В конце концов, она коп, а не гражданская. Им понадобятся все стволы. Холл был пуст. Лестница уходила вверх, ступени скрипели под ногами, сколько ни старайся идти тихо. На стенах — многолетние слои краски, облупленные и исписанные маркером: мат, признания в любви, номера телефонов. Воздух тяжелый, спертый, с примесью запаха табачного дыма и жареного лука, доносившегося откуда-то с верхних этажей. Они поднялись на второй этаж. Тишина давила на барабанные перепонки. Алекс жестом показал Алисе: «за мной, прикрывай». Она кивнула, и они продолжили подъем — мимо третьего этажа, где на площадке валялся детский велосипед без заднего колеса, прямо к четвертому. На лестничной клетке четвертого этажа горела единственная тусклая лампочка, мигавшая с неровным интервалом, отбрасывая дергающиеся тени на стены. Четыре двери. Восьмая квартира — крайняя справа. Дверь приоткрыта. Из щели не пробивался свет. Тишина. Алекс приблизился, стараясь не скрипеть половицами. Алиса замерла у него за плечом, контролируя остальные двери. Он толкнул дверь стволом пистолета. Дверь открылась беззвучно. Первое, что он увидел — кровь. Много крови на полу в прихожей. Два тела в полицейской форме лежали лицом вниз, руки раскинуты, фуражки откатились к стене. Это были Мартинес и Ковальски. У обоих — огнестрельные ранения в спину. Казнь. Контрольный в голову — судя по входным отверстиям на затылках. В гостиной, освещенной тусклым утренним светом из окна, на стуле сидел человек. Мужчина, лет сорока, в грязной майке и спортивных штанах. Его руки были пристегнуты наручниками к подлокотникам стула, а рот заклеен строительным скотчем. Он был мертв. В центре лба чернело пулевое отверстие. На коленях у трупа лежал конверт из плотной бумаги. Белый, без надписей. Алекс медленно обвел комнату взглядом. Никаких следов борьбы, кроме опрокинутого торшера. Никаких других выходов, кроме двери, через которую они вошли. Квартира была маленькой — кухня-студия, одна спальня, совмещенный санузел. Больше никого. — Что за черт?.. — прошептала Алиса, опуская пистолет, но не убирая его. Алекс подошел к мертвецу на стуле и, не прикасаясь к конверту, наклонился, чтобы рассмотреть его содержимое через край. Внутри лежала фотография. Он наклонился чуть ниже, и свет из окна упал на глянцевую поверхность снимка. На фотографии был он сам. Алекс Робертсон. Снимок сделан сегодня утром, когда он выходил из подъезда своего дома. В руке — кружка кофе. Он узнал свою ветровку, свою машину на заднем плане. Холод, который он привык считать давно исчезнувшим из его жизни, медленно пополз вверх по позвоночнику. Это был не просто вызов. Это была охота. И охотились не на патрульных. Охотились на него. Он выпрямился, встретился взглядом с Алисой. В ее глазах читался ужас пополам с решимостью. — Это ловушка, — тихо сказала она. — Да, — ответил он, снова становясь роботом. — Но не для меня. Для них. Он кивнул на тела патрульных. Потом достал телефон. — Вызывай подкрепление. Оцепление, криминалистов, всю группу. И оставайся здесь. Если у них был снайпер, они бы уже выстрелили. Значит, тот, кто это

сделал, ушел через крышу или ждет нас в другой квартире. Я проверю этаж.— Одна? — переспросила Алиса. — Нет. Мы идем вместе. Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Она выдержала.— Хорошо, — произнес он наконец. — Тогда идем. И держись за мной. Они двинулись к выходу из квартиры, оставив за спиной три трупа и конверт с фотографией. Где-то в глубине дома скрипнула половица, но, может быть, это просто ветер.

Глава 2. Первая перестрелка

Тишина в квартире стала вдруг абсолютной — той особой, звенящей тишины, которая наступает за мгновение до того, как мир взрывается. Алекс почувствовал это раньше, чем услышал. Легкое колебание воздуха, почти неуловимый скрип половицы в соседней комнате, которую он бегло осмотрел и счел пустой. Ошибка. Непростительная ошибка. И он понял это за долю секунды до того, как дверь спальни слетела с петель. Дверь спальни распахнулась не плавно — ее выбили ударом ноги, тяжелым ботинком, и дешевое деревянное полотно с грохотом впечаталось в стену, выбив облако извешковой пыли. На пороге стоял мужчина. Крупный, массивный — такие обычно работают вышибалами в подпольных клубах или коллекторами у ростовщиков. На нем была темная балаклава грубой вязки, из прорезей которой смотрели маленькие, глубоко посаженные глаза — холодные, злые, с тем особым блеском, который выдает человека, уже переступившего черту. В руках он держал дробовик — «Моссберг 590», классика жанра. Короткий ствол для ближнего боя, пистолетная рукоятка вместо приклада, трубчатый магазин под стволом. Оружие не для охоты, не для спорта — для убийства в тесных помещениях. Для таких вот квартир, коридоров, подъездов. Для зачистки. Время замедлилось. Так всегда бывало в критические моменты — мир не ускорялся, как пишут в книгах, а, наоборот, становился вязким, густым, как патока, и каждая деталь впечатывалась в сознание с фотографической четкостью. Расстояние до стрелка — два с половиной метра, может, чуть больше. Дробовик уже поднимается, черный зрачок ствола смотрит прямо на него. Палец на спусковом крючке напряжен, побелел от давления. Алиса стоит вполборота, ее пистолет все еще опущен, она только начинает разворачиваться на звук — слишком медленно, катастрофически медленно. У нее есть доля секунды. Меньше доли секунды. И этой доли недостаточно. Алекс не думал. Мозг отключился, уступив место рефлексам, отточенным двадцатью тремя годами службы, двумя сотнями задержаний, бесшечными часами в тире, сотнями учебных симуляций, тысячами повторений одних и тех же движений, пока они не стали частью мышечной памяти, такой же естественной, как дыхание. Его тело знало, что делать. Тело помнило все. Левая рука метнулась в сторону, пальцы жестко сомкнулись на ткани куртки Алисы — он нащупал воротник, сгреб в кулак и рванул на себя и вбок, швыряя ее к выходу из квартиры, в сторону лестничной клетки. Бросок был грубым, почти жестоким, но выбора не было: либо синяк на плече, либо заряд дроба в спину. Он вложил в этот рывок всю силу, и Алиса, не ожидавшая такого, буквально вылетела в коридор, ударилась о стену, но устояла на ногах — хорошая реакция, отметило краем сознания. Одновременно с этим правая рука вскинула «Глок». Большой палец автоматически, без участия сознания, снял предохранитель. Указательный лег на спусковой крючок. Мушка и целик совместились в одну линию. Он не целился в классическом смысле — не зажмурился левый глаз, не выравнивал дыхание. Просто поднял пистолет и выстрелил от бедра, инстинктивно, потому что времени на правильную стойку не было. Первый выстрел грохнул в замкнутом пространстве квартиры. Звук был подобен удару молота по наковальне — оглушительный, резкий, от которого заложило уши и на секунду пропал весь остальной мир. Вспышка осветила коридор. Пуля ушла чуть выше, чем он хотел — в дверной косяк над правым плечом стрелка, выбив фонтан щепок и облако трухлявой древесины. Но этого хватило: противник дернулся, произвольно, рефлекторно, и его собственный выстрел ушел в потолок. Грохнул дуплет — дробь с мерзким воем пробила штукатурку, и сверху обрушился целый пласт гипсокартона, засыпав белой пылью и кусками обоев все вокруг. Алиса, выброшенная в коридор инерцией рывка, уже пришла в себя. Она была профессионалом — хорошим профессионалом, и он понял это сразу. Прошло не больше двух секунд, а ее собственный пистолет уже был в руке, и она пыталась найти угол для

стрельбы, не задев его. — Назад! На улицу! — рывкнул Алекс, перекрывая звон в ушах. Голос прозвучал хрипло, как лай. — Вызывай всех! Живо! Подкрепление! Оцепление! Сейчас же! Он не оборачивался, чтобы проверить, послушалась ли она. Все его внимание, все его существо было приковано к дверному проему, из которого снова показался ствол дробовика. Стрелок в балаклаве, оправившись от неожиданности, выходил из спальни, поливая пространство перед собой свинцом. Он стрелял не целясь — просто держал дробовик на уровне пояса и жал на спуск. Грохнул второй выстрел. Заряд картечи ударил в стену коридора, разнеся в клочья старый плакат в рамке — какую-то страховую рекламу с улыбающейся семьей. Стекло брызнуло осколками, бумага вспыхнула и тут же погасла. Еще выстрел — дробь пробила гипсокартонную перегородку, и несколько дробинок просвистели совсем рядом с головой Алекса. Он почувствовал движение воздуха у виска — такое близкое, что волосы шевельнулись. Еще пара сантиметров — и все. Конец. Он отступил за дверной косяк, используя его как укрытие. Прижался спиной к стене, чувствуя холод бетона даже через бронежилет и рубашку. Сердце билось ровно, дыхание не сбивалось — он контролировал и то, и другое. В голове шел холодный расчет. Дробовик — оружие ближнего боя. В тесной квартире он смертельно опасен, спорить с этим бессмысленно. Но у него ограниченный боезапас. Трубчатый подствольный магазин — скорее всего, пять патронов, может, семь, если удлиненный. Сколько он уже потратил? Минимум три. Может, четыре. Еще один-два — и магазин опустеет. И тогда инициатива перейдет ко мне. Нужно только дождаться. Выждать. Не психовать. — Эй, коп! — голос из-за стены был хриплым, с отчетливой издевкой. Где-то на заднем плане слышалось тяжелое дыхание и звук шагов по битому стеклу. — Думаешь, ты крутой? Мы знали, что ты придешь. Знали, что полезешь спасать своих тупых дружков. Ты предсказуем, Робертсон. Как раскрытая книга. Алекс ничего не ответил. Разговоры во время боя — удел дилетантов, которые пытаются заглушить собственный страх пустой бравадой, или психопатов, наслаждающихся процессом. И то, и другое — потеря концентрации, а потеря концентрации в перестрелке означает смерть. Его это не касалось. Он методично извлек из кармана запасной магазин и сжал его в левой руке — так, чтобы можно было перезарядить «Глок» одной рукой, не глядя. Пятнадцать патронов в обойме плюс один в патроннике. Уже минус два выстрела. Осталось четырнадцать. Нужно, чтобы хватило. Краем глаза он заметил, что Алиса все еще на лестничной клетке. Она не ушла. Прижалась спиной к перилам, держит пистолет обеими руками и целится в дверь квартиры, ожидая, когда противник покажется. Хорошая позиция, грамотная, но он хотел, чтобы она ушла совсем. Если здесь засада, спланированная специально под него, незачем подставлять под пули еще и ее. Незачем становиться причиной еще одной смерти. Грохнул очередной выстрел из дробовика — теперь уже по косяку, за которым он прятался. Стрелок целился низко, видимо, надеясь задеть ноги. Дерево брызнуло щепками, несколько вонзились в щеку Алекса — острые, как иглы. Он почувствовал теплую струйку крови, но не шевельнулся. Ждал. Считал про себя. Пять выстрелов. Это пятый. Если магазин на пять патронов, то сейчас должна наступить пауза. И пауза наступила. Характерный сухой щелчок — затвор дробовика встал на задержку. Магазин опустел. Алекс не дал ему времени на перезарядку. Ни секунды промедления. Одно плавное, слитное движение — он вышел из-за укрытия, доворачивая корпус, вскидывая пистолет на уровень глаз. Мушка легла точно на черную маску — туда, где должно быть лицо. Выдох. Плавный спуск. Выстрел. Отдача толкнула в руку — привычно, почти успокаивающе. Пуля вошла в грудь стрелку, чуть левее грудины. Еще выстрел — вторая пуля легла на пару сантиметров выше и правее. Кучно, как на тренировке. Убойная зона — сердце, легкие, крупные сосуды. Противник покачнулся. Дробовик выпал из его рук, грохнулся об пол. В прорезях маски глаза расширились — в них мелькнуло удивление. Не страх, нет, именно удивление. Он не ожидал, что коп выйдет из-за укрытия. Не ожидал, что коп вообще способен на такое. Он думал, что загнал жертву в угол. Ошибся. Он сделал еще шаг — нелепый, заплетающийся, словно пьяный. Ноги подкосились.

Он начал заваливаться вперед, попытался выставить руки, но мышцы уже не слушались. Грузное тело рухнуло лицом вниз, глухо ударившись о дощатый пол, и затихло. Из-под маски начало растекаться темное пятно. Тишина не наступила. Потому что в ту же секунду, когда тело первого нападавшего приняло свою окончательную, нелепую позу, в квартиру ворвались звуки снаружи. Звон разбитого стекла — резкий, пронзительный, как вскрик. Хруст осколков под чьими-то тяжелыми ботинками. Крики Алисы — она что-то кричала с лестницы, и на этот раз он разобрал слова: «Алекс! Сзади! Окно!» Ее голос срывался на визг, но пистолет она держала твердо. Алекс развернулся. Движение было резким, но контролируемым — не паническим, а тактическим. Он не бежал, он перемещался. Так, как учили когда-то в академии, а потом переучивали на курсах спецподразделения: быстро, низко, без резких взмахов руками, сохраняя боевую стойку. В гостиную, через разбитое окно, один за другим запрыгивали люди. Двое. Оба в масках — балаклавы, как у первого, только у одного с прорезями для глаз, у второго с пластиковыми очками поверх ткани. Оба вооружены. Первый, приземлившись на корточки — мягко, как кошка, чувствовалась подготовка — сразу открыл огонь из пистолета-пулемета. Что-то компактное, похожее на «MP5», но не классический, а более современную версию, с глушителем и складным прикладом. Пули засвистели по коридору, выбивая фонтаны штукатурки. Одна, другая, третья — целая очередь, и каждая пуля находила свою цель в стенах, в мебели, в обломках. Второй нападавший перекатился через подоконник, уходя вбок, к кухонной зоне. Приземлился на плечо, перевернулся, вскочил — и тоже открыл стрельбу. У этого был обычный пистолет, похоже, «Беретта», крупнокалиберный, грохочущий. Он стрелял одиночными, но часто, быстро, как заводная игрушка. Положение из плохого превратилось в катастрофическое. Трое противников — один мертв, но двое свежих, с автоматическим оружием, и они явно знали, что делают. У Алекса — пистолет с тринадцатью патронами в обойме и один запасной магазин в левой руке. Он был зажат в коридоре, спиной к выходу, и отступать означало подставить под пули Алису, которая все еще торчала на лестнице. А она уже не успеет уйти — эти двое слишком быстрые, слишком подготовленные. Решение пришло мгновенно. Не отступать. Атаковать. Алекс выбросил вперед левую руку, швыряя в гостиную первое, что попало под руку. Им оказался цветочный горшок — пустой, с остатками засохшей земли, стоявший на полу у входа в гостиную. Не бог весть что, но сойдет. Горшок полетел в сторону стрелка с пистолетом-пулеметом, кувыркаясь в воздухе, и этого оказалось достаточно. Противник на долю секунды перевел ствол, инстинктивно отслеживая движение, — и этой доли секунды хватило. Алекс выскочил в проем, стреляя на ходу. Он не бежал по прямой — это было бы самоубийством. Он двигался зигзагом, низко пригибаясь, используя мебель как прикрытие. Диван, кресло, опрокинутый торшер, журнальный столик — он перетекал от одного укрытия к другому, как вода, как тень, как что-то почти нечеловеческое в своей неумолимости. Первый выстрел — в плечо стрелку с пистолетом-пулеметом. Пуля попала точно в сустав, и рука с оружием дернулась в сторону. Очередь ушла в потолок, выбив еще один пласт штукатурки. Второй выстрел — в бедро, чуть выше колена. Противник закричал — высокий, животный крик, полный боли и ярости, — и начал заваливаться на бок. Пистолет-пулемет выпал из ослабевших пальцев. Но Алекс уже перенес внимание на второго. Тот был проворнее, опытнее. Не стоял на месте, а двигался, стреляя от бедра. Три пули просвистели мимо — одна обожгла левое плечо, разорвав рукав ветровки и опалив кожу. Алекс почувствовал горячую волну боли, но отключил ее. Вторая пуля чиркнула по бронежилету, выбив фонтан кевларовой пыли и оставив глубокую вмятину на пластине. Третья ушла в стену за спиной. Алекс не замедлился. Он бежал, стреляя на ходу — одиночными, точными, экономя патроны. У него было мало боеприпасов, и каждый выстрел должен был идти в цель. Третий выстрел попал второму нападавшему в бок, под ребра. Тот согнулся, но устоял. Еще выстрел — мимо, в оконную раму, выбив стекло и заставив противника пригнуться. Вдруг ожил раненый первый. Стоная, матерясь сквозь зубы, он подтянул к себе пистолет-пулемет

левой рукой — правая висела плетью. Алекс заметил это боковым зрением. Не останавливаясь, он сменил траекторию, сделал финт вправо, потом резко ушел влево, прыгнул за диван, перекатился через плечо — жестко, приземлившись на лопатки, — и, оказавшись на колене, добил раненого двумя выстрелами в корпус. Одна пуля в грудь, одна в шею. Пистолет-пулемет затих. Тело обмякло. Оставался один. Второй нападавший, прижимая ладонью кровоточащий бок, пытался сменить позицию. Он отступал к кухне, к выходу на пожарную лестницу, и его движения были медленными, дергаными. Кровь текла между пальцев, оставляя на полу темную дорожку. Но в глазах, видимых сквозь пластиковые очки, все еще горела злоба. Он не сдавался. Алекс встал в полный рост. Укрытия больше не требовалось. Он шел на противника прямо, неумолимо, как машина для задержания, которой он стал. Каблуки ботинок стучали по дощатому полу — мерно, тяжело, как метроном. Пистолет в вытянутых руках смотрел точно в цель. Мушка — между глаз противника. — Брось оружие, — произнес он спокойно, почти буднично, как будто просил передать соль за обеденным столом. — Брось, и останешься жив. Обещаю. Нападавший замер. В прорезях маски блеснули глаза, полные не страха — скорее злобы, замешанной на отчаянии. Он колебался долю секунды. Взгляд метался между пистолетом в своей руке и дулом «Глока», смотревшим ему в лицо. Потом что-то в глазах погасло, и он вскинул пистолет. Алекс выстрелил первым. Пуля вошла точно в лоб, чуть выше переносицы, аккуратное черное отверстие. Тело откинулось назад, запнулось об опрокинутый стул и грузно осело на пол, раскинув руки. Пистолет откатился в угол. На этот раз тишина наступила по-настоящему. Глубокая, звенящая, нарушаемая только шорохом оседающей пыли и каким-то стеклянным позвякиванием — это осколки оконного стекла продолжали осыпаться с подоконника. Алекс стоял посреди разгромленной гостиной, в облаке порохового дыма и гипсовой пыли, держа пистолет на изготовку. Грудь вздымалась — не от страха, нет, просто от физической нагрузки, которую организм только сейчас начал осознавать. Он медленно обвел взглядом помещение, как видеокамера, методично, сектор за сектором. Три трупa. Первый — у входа в спальню, в неестественной позе, лицом в пол. Второй — за диваном, скорчившись в луже собственной крови. Третий — у кухонной арки, на спине, с дыркой во лбу и остекленевшими глазами, устремленными в потолок. Исковерканная, изрешеченная пулями мебель. Стены, покрытые выбоинами от дробы и пистолетных пуль. Кровь на полу — много крови, смешавшейся с пылью в грязно-бурую жижу, и отпечатки ботинок, ведущие через всю комнату. Его отпечатки. И их отпечатки. Он проверил пистолет. Отсоединил магазин, взвесил в руке. Легкий. В обойме оставалось четыре патрона, плюс один в патроннике. Пять выстрелов. Против троих подготовленных противников. Запасной магазин все еще был зажат в левой руке, и он сменил его одним отточенным движением — выщелкнул пустой, вогнал полный, перевернул затвор. Все это за пару секунд, не глядя, на ощупь. Полупустой магазин отправился в карман. Теперь у него снова пятнадцать. Можно выдохнуть. И он позволил себе выдохнуть — медленно, длинно, чувствуя, как воздух со свистом выходит из легких. — Алекс! — голос Алисы раздался от двери. Она не ушла. Она стояла на пороге квартиры с пистолетом в руках, и лицо ее было белее мела. Белее, чем гипсовая пыль, осевшая на ее темных волосах и сделавшая их седыми. — Ты... ты цел? Он обернулся не сразу. Сначала убрал пистолет в кобуру, защелкнул фиксатор, одернул ветровку. И только потом посмотрел на нее. — Цел, — ответил он. В горле першило от пороховой гари, язык казался шершавым и сухим. — Ты почему не ушла? Я же приказал. — Я не бросаю напарников, — в ее голосе звенела едва контролируемая дрожь. Адреналин еще не выветрился, и пальцы, сжимавшие пистолет, мелко подрагивали. — Даже тех, кто превратился в чертова робота. Даже тех, кто приказывает уходить. Я не уйду. Он повернулся к ней полностью. Их взгляды встретились. В ее глазах читался шок пополам с чем-то еще — восхищением? ужасом? может быть, тем и другим сразу, смешанным в гремучую смесь. Она смотрела на него так, как будто увидела впервые. Как будто только сейчас поняла, кем стал тот мальчишка из Бруклина, с которым они

когда-то гоняли мяч на пустыре. Она искала в его лице что-то — наверное, того самого парня, веселого и доброго, — и не находила. Находила только холодные серые глаза и плотно сжатые губы. — Ты в порядке, Байерс? — спросил он. Не из вежливости — из профессиональной необходимости. Ему нужно было знать, может ли она продолжать операцию. Она заставила себя кивнуть. Сглотнула. Убрала пистолет в кобуру — медленнее, чем он, не так отточенно, но твердо. — Да. В порядке. Вызвала подкрепление. Оцепление уже в пути, через... — она глянула на часы, — две-три минуты. Я... я слышала выстрелы, грохот, крики. Думала, тебя убили. Думала, ты не выйдешь оттуда. — Меня трудно убить, — ответил он безо всякой рисовки. Просто констатировал факт. Как и то, что солнце встает на востоке. Как и то, что Олдридж гниет изнутри. Она обвела взглядом комнату, задержавшись на телах, на каждом по очереди. Один у спальни. Один за диваном. Один у кухни. Три вывода из строя. Три нейтрализованные угрозы. — Ты их всех... один. Один против троих. Как ты это сделал? Как это вообще возможно? Алекс подошел к окну, хрустя осколками стекла под ботинками. Выглянул во двор. Внизу было пусто — только ветер гонял обрывки газет и пыль. Потом повернулся обратно. Вопрос Алисы показался ему бессмысленным. Как он это сделал? Он сделал то, для чего его создали, — нет, не создали, он сам себя переделал, долгими годами тренировок, сотнями перестрелок, тысячами часов на грани между жизнью и смертью. То, что он умел лучше всего. То, что стало его второй натурой. — Они ошиблись, — сказал он наконец, подбирая слова. — Они думали, что загнали меня в ловушку. Думали, что если устроить засаду в тесной квартире, с тремя стволами и эффектом неожиданности, то жертва запаникует, начнет метаться, подставится. Но ловушка работает только в том случае, если жертва боится. А я не боюсь. Уже давно. Он помолчал, глядя на мертвеца у кухонной арки. — Кроме того, они допустили тактическую ошибку, — продолжил он тоном лектора, читающего курсантам введение в городской бой. — Они работали по одиночке. Первый полез вперед один, дал мне время подготовиться. Потом двое ворвались через окно, но тоже действовали разрозненно. Один стрелял, второй перемещался, но они не координировали атаку. Каждый работал сам за себя. Будь у них командир с мозгами, он бы заставил первого ждать, а потом ударил бы с трех сторон одновременно. Тогда шансов у меня было бы немного. Но они привыкли к легкой добыче. К перепуганным гражданским, которые прячутся в угол и молят о пощаде. Они не ожидали встретить того, кто дает отпор. Это их и погубило. Алиса слушала молча. Она переводила взгляд с него на трупы и обратно, и в ее глазах постепенно проступало понимание. Не просто робот. Не просто машина для задержаний. Хищник. Опасный, опытный хищник, которого двадцать три года на службе превратили в нечто гораздо более страшное, чем те, на кого он охотился. Потому что он знал их методы. Знал их слабости. И не имел их ограничений — ни моральных, ни эмоциональных. — Иди сюда, — вдруг сказала она и, прежде чем он успел отреагировать, шагнула к нему и осторожно прикоснулась к его щеке. Пальцы были холодными. — У тебя кровь. Он вспомнил про щепку. Поднял руку, ощупал скулу — мокро. Достал из кармана платок, прижал. — Ерунда. Царапина. — Царапина, — эхом повторила она, но в голосе слышалось сомнение. — У тебя вся куртка в порохе. Рукав разорван. Еще чуть-чуть — и... — Чуть-чуть не считается, — оборвал он. — В нашей работе это называется «повезло». Скажи спасибо бронежилету. И тем, кто меня тренировал. Он отошел от окна и еще раз оглядел поле боя. Теперь, когда адреналин начал отступать, в голове прояснилось, и мысли потекли в привычном аналитическом русле. — Это была подготовленная засада, — произнес он задумчиво, скорее для себя, чем для нее. — Профессиональная. Спланированная. Они знали, что патрульные придут первыми — может, даже специально спровоцировали звонок соседки. Знали, что патрульные войдут в квартиру и будут нейтрализованы. Знали, что на «красный код» пришлют старшего оперативника — меня. Знали мой маршрут, мое время прибытия. Знали даже то, как я выгляжу, — он кивнул на конверт с фотографией, все еще лежавший на коленях мертвеца в гостиной. — Кто-то следил за мной сегодня утром.

Сфотографировал у подъезда. Передал снимок исполнителям. Чтобы они знали, кого ждать. — Это послание, — тихо сказала Алиса. Она тоже смотрела на конверт. — Не просто убийство. Не просто засада. Кто-то хотел, чтобы ты знал: он следит за тобой. Он может достать тебя где угодно. Даже у твоего дома. — Да. Послание. И еще предупреждение. «Рад, что ты вернулся на работу, Робертсон. У нас много дел». Тот, кто это написал, воспринимает происходящее не как преступление. Он воспринимает это как игру. Как партию в шахматы. Он сделал первый ход, а я должен ответить. Вот только я не собираюсь играть по его правилам. В коридоре послышался топот — тяжелые ботинки по лестнице. Крики: «Полиция! Всем оставаться на местах!» В квартиру ворвались первые патрульные — молодые, взвинченные, с оружием наизготовку. Увидели Алекса, Алису, трупы. Замерли. — Старший оперативник Робертсон, Корпус-13, — спокойно произнес Алекс, показывая жетон. — Угрозы ликвидированы. Двое наших убиты. Нужны криминалисты, санитары и полное оцепление квартала. И уберите оружие, здесь больше не в кого стрелять. Пока патрульные рассредотачивались по квартире, занимая позиции и докладывая диспетчеру, Алекс подошел к Алисе вплотную. — Ты хорошо держалась, — сказал он негромко. Это был не комплимент — оценка. Но для него даже такая оценка была редкостью. — Я чуть не погибла, — возразила она. — Если бы не ты, меня бы разорвало дробью в первую секунду. — Но не разорвало же. И ты не побежала. Не запаниковала. Заняла позицию. Была готова стрелять. Для первого дня в новом подразделении — неплохо. — Это не первый день в полиции, Алекс. Я работаю в системе уже восемь лет. Просто в другом округе. — Другой округ — другой мир. Здесь, в Корпусе-13, свои правила. И первое правило: доверяй напарнику, но рассчитывай только на себя. Ты готова к этому? — Я здесь, — просто ответила она. — Разве этого недостаточно? Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Она не отвела глаз. Выдержала. — Посмотрим, — сказал он наконец. — А теперь идем. Нам нужно дать показания, составить рапорт и начать расследование. У нас три неопознанных трупа, конверт с моей фотографией и надпись, от которой тянет безумием. Кто-то очень хочет, чтобы я включился в его игру. Что ж, я включусь. Но играть буду по-своему. Он направился к выходу из квартиры. Проходя мимо патрульных, бросил короткое: — Ничего не трогать до прибытия криминалистов. Особенно конверт на коленях у трупа в гостиной. Это ключевая улика. Если кто-то к ней прикоснется без перчаток, будет иметь дело лично со мной. Ясно? Патрульные дружно кивнули. Имя Робертсона в Управлении знали все. На лестничной клетке Алекс остановился на секунду, пропуская Алису вперед. Она прошла мимо, и он заметил, что ее руки все еще подрагивают. Адреналин. Пройдет через полчаса. Сменится усталостью, потом тупой болью в мышцах, потом желанием выпить и забыться. Она пройдет через все эти стадии, как проходил он сам когда-то, давным-давно, в начале пути. А потом привыкнет. Или сломается. Третьего не дано. На улице уже собралась толпа зевак, отделенных желтой лентой оцепления. Прибыли криминалисты, санитары с носилками, полицейские машины забили весь двор мигалками — красными, синими, белыми. Вспышки отражались в окнах соседних домов, создавая жутковатое светопредставление. Репортеров пока не было, но через полчаса будут обязательно — нюх у журналистов на кровь отменный. Алекс стоял в стороне, привалившись спиной к капоту своего «Тауруса», и смотрел, как выносят тела. Санитары в белых комбинезонах грузили носилки в фургоны — методично, без лишних эмоций. Они тоже привыкли. Три преступника. Двое патрульных. Один гражданский на стуле. Шесть трупов. И это только первый акт. Он чувствовал это нутром — то самое предчувствие, которое редко его обманывало. Будет продолжение. Будет больше крови. Больше загадок. Больше смертей. К нему подошла Алиса. Она успела где-то раздобыть бутылку воды и теперь пила жадными глотками. В другой руке держала конверт — тот самый, с фотографией, уже упакованный в полиэтиленовый пакет для вещдоков. Этикетка с номером дела, дата, время. — Криминалисты закончили первичный осмотр, — доложила она. — Сказали, можешь взглянуть, пока не увезли в лабораторию. Только в перчатках. — Уже видел, — ответил он, но пакет взял.

Перевернул. Посмотрел на фотографию сквозь прозрачную пленку. Его собственное лицо. Его дом. Его утро. Сегодняшнее. И почерк на обороте снимка — он только сейчас заметил надпись, сделанную мелким, аккуратным шрифтом, синей шариковой ручкой. Буквы ровные, почти печатные. Так пишут люди, привыкшие к порядку. Или одержимые порядком. «Рад, что ты вернулся на работу, Робертсон. У нас много дел». Ни подписи. Ни требования. Ни угрозы впрямую. Просто сообщение. Просто констатация факта. — Кто-то знает тебя, — тихо сказала Алиса, читая надпись через его плечо. Она стояла так близко, что он чувствовал запах ее шампуня — какой-то цветочный, совершенно неуместный посреди этого кошмара. — Кто-то из старых дел? Может, кто-то из тех, кого ты посадил? Вышел по УДО? Или родственник кого-то из задержанных? — Возможно, — он вернул пакет. — Или кто-то, кому я еще не успел испортить жизнь, но очень хочу. Или кто-то, кому я испортил жизнь, сам того не зная. Вариантов много. Я работаю в полиции двадцать три года. За это время я перешел дорогу очень многим людям. Некоторые из них мертвы. Некоторые сидят. Некоторые вышли и затаились. А некоторые только ждали подходящего момента, чтобы нанести удар. — Но почему сейчас? Почему именно сегодня? — Хороший вопрос. Сегодня первый день после моего отпуска. Две недели я не работал — по предписанию врача, из-за переутомления. И в первый же день — засада. Кто-то ждал, пока я вернусь. Кто-то следил за моим графиком. Это означает, что у него есть доступ либо к полицейской базе данных, либо к кому-то в Управлении. Либо он следит за мной лично и знает мой распорядок дня. — Внутренний? Оборотень в погонах? — Алиса понизила голос. — Не исключено. Но не обязательно. Базу данных Управления взламывали уже не раз. Это не Пентагон, это Олдбриджское полицейское управление. Там дыра на дыре. Любой умелый хакер может залезть в график дежурств. Мой отпуск и выход на службу — не секретная информация. Он оттолкнулся от капота и направился к машине. Алиса сделала шаг следом. — Ты куда? — В участок. Нужно поднять архивы. Проверить все старые дела. Всех, кого я задерживал и кто мог выйти на свободу. Всех, кто угрожал мне или моим близким. Кроме того, нужно опознать этих троих — отпечатки пальцев, ДНК, баллистика. Запись с нагрудных камер Мартинеса и Ковальски. Возможно, они успели что-то заснять до того, как их убили. И еще одно — нужно проверить телефон соседки, той, что звонила в полицию. Ее звонок был поводом. Возможно, ей заплатили. Или угрожали. Или она вообще не звонила, а запись подделали. — Ты думаешь, все настолько серьезно? — Я думаю, что это только начало. Первый раунд. Кто-то проверяет меня на прочность. Смотрит, как я реагирую, что я делаю, как двигаюсь, как стреляю. Сегодняшняя засада была пробным шаром. Если бы я погиб — отлично, цель достигнута. Если бы выжил — не беда, они узнали мои возможности. И в следующий раз подготовятся лучше. Алиса побледнела еще сильнее, если это вообще было возможно. — Ты говоришь об этом так спокойно... — А как я должен говорить? С истерикой? Слезами? Это ничего не изменит. Факт остается фактом: на меня открыта охота. И пока я не пойму, кто за этим стоит, я буду ходить по лезвию бритвы. Как, впрочем, и всегда. Просто теперь бритва чуть острее. Он открыл дверцу «Тауруса» и сел за руль. Алиса все еще стояла у машины, не решаясь уйти. — Я с тобой, — сказала она наконец. — Байерс... — Даже не начинай, Робертсон. Я — твоя напарница. Мне плевать, что ты привык работать один. После того, что я видела сегодня, я тем более не собираюсь отсиживать в участке. Кто-то пытается тебя убить. Возможно, этот кто-то захочет убить и меня — просто потому что я была с тобой в одной квартире. Я теперь тоже в игре. Хочу я того или нет. Он помолчал. Она была права. И он это знал. — Хорошо, Байерс. Тогда заводи свой «Хёндай» и следуй за мной. Не отставай. И держи пистолет под рукой. Сегодня могут быть еще сюрпризы. — Не отстану, — пообещала она, и в ее голосе прозвучала сталь, которой он не помнил у той девочки с веснушками. Та девочка была мягкой, смешливой, доброй. Эта женщина была совсем другой. Может быть, система и ее перемолола за эти годы. Может быть, она тоже прошла через свой ад. Он завел двигатель, вырулил со двора, объезжая полицейские фургоны и санитарные

машины. В зеркале заднего вида мелькнул серый «Хёндай», пристроившийся следом. По дороге в участок Алекс прокручивал в голове события утра. Засада. Трое нападавших. Фотография в конверте. Надпись. Все это складывалось в тревожную картину, но центральная деталь все еще отсутствовала. Мотив. Почему сейчас? Почему такой сложный план ради одного оперативника? Если бы кто-то просто хотел его смерти, можно было бы подстеречь в подъезде, выстрелить в затылок и скрыться. Дешево, сердито, эффективно. Но нет — они устроили спектакль. Убили патрульных. Оставили послание. Дали ему шанс. Это была не просто месть. Это была игра. И тот, кто ее затеял, получал удовольствие от процесса. Впереди показалось серое здание Управления — одиннадцать этажей железобетона, стекла и стали. На фасаде висел потускневший американский флаг, лениво колыхавшийся на утреннем ветру. Обычно при виде этого здания Алекс испытывал что-то вроде спокойствия — как лошадь, возвращающаяся в стойло. Но сегодня спокойствия не было. Сегодня была только холодная, расчетливая ярость, замороженная глубоко внутри, куда не дотягивались даже его собственные мысли. Он припарковался на своем обычном месте и заглушил двигатель. Алиса остановилась рядом. Они вместе вошли в Управление через служебный вход — мимо металлодетекторов, мимо скучающего дежурного сержанта, мимо стенда с фотографиями погибших офицеров. Алекс задержал взгляд на одной из них — молодой парень, улыбается в камеру, форма сидит еще неловко. Мартинес. Один из тех, кого убили сегодня. Он помнил, как тот пришел в отдел — зеленый, полный энтузиазма. И вот он уже на доске почета. Еще одно имя, еще одна строчка в статистике. — Ты знал его? — спросила Алиса, проследив за его взглядом. — Знал, — коротко ответил Алекс. — Хороший был парень. Молодой. Жена, двое детей. Второму два года. Теперь они будут расти без отца. — Мне жаль. — Мне тоже. Но жалость не вернет его к жизни. Единственное, что я могу сделать — найти того, кто это заказал. И сделать так, чтобы он больше никогда не увидел свободы. Он отвернулся от стенда и зашагал к лифту. Алиса поспешила за ним, и двери лифта закрылись за ними с тихим шипением. Кабина была старой, с потертыми кнопками и мутным зеркалом на задней стене. В этом зеркале они отражались оба — высокий, мрачный мужчина в разорванной куртке и женщина с белым лицом и решительным взглядом. Напарники. Странная пара. Но кто знает — может быть, именно то, что нужно. — С чего начнем? — спросила она, когда двери открылись на их этаже. — С архивов, — ответил он. — Потом баллистика. Потом допрос свидетелей. Потом — все остальное. Он толкнул тяжелую дверь отдела расследований, и они шагнули внутрь, в прокуранный воздух и гул голосов, в самое сердце охоты, которая только начиналась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.